

ФОРМУЛА ВТОРЖЕНИЯ

ТОМ 1

КАТАСТРОФА

АЛЕКСАНДР ГОРДИН

18+

Александр Гордин

**ФОРМУЛА ВТОРЖЕНИЯ.
ТОМ 1. «КАТАСТРОФА»**

«Автор»

2026

Гордин А.

ФОРМУЛА ВТОРЖЕНИЯ. ТОМ 1. «КАТАСТРОФА» /

А. Гордин — «Автор», 2026

Смесь фантастики, детектива, приключений и напряжённого триллера! Одна случайная авария НЛО — и на кону судьба нашей планеты. Инопланетный корабль разбивается под Ростовом Великим и запускает цепь событий, которая закончится полномасштабным вторжением на Землю. Среди обломков очевидцы находят мёртвого пришельца. Офицер военной разведки Василий Романцов получает приказ найти всех, кто видел крушение, и передать их спецслужбам «для сохранения тайны». Но вместо защиты его работа превращается в охоту на людей, которых уже приговорили. На месте катастрофы Романцов находит инопланетный артефакт — и сам становится целью. Среди немногих, кто может ему помочь, — Ирина Воронова: его бывшая и офицер конкурирующей спецслужбы, которой опасно доверять. Каждое новое разоблачение приближает не разгадку, а войну. «Формула вторжения. Катастрофа» — первая книга цикла из четырёх романов: о вторжении на Землю, восстании человечества и ответном ударе по планете захватчиков.

© Гордин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Падение	5
Глава 1. Задание	7

Александр Гордин

ФОРМУЛА ВТОРЖЕНИЯ.

ТОМ 1. «КАТАСТРОФА»

Пролог. Падение

Трава была сухая, жёсткая под ногами. До дождя ещё оставалось несколько часов. Пахло гарью и чем-то кислым, металлическим.

Экскурсионный минибас с туристами остановился на обочине дороги, ведущей к Ростову Великому. Следом, метров через двадцать, притормозила легковая машина. Впереди, за полем у опушки леса, поднимался дым из огромной расколовшейся надвое чёрной глыбы, вонзившейся в землю. Минуту назад в небе что-то сверкнуло и с грохотом рухнуло оземь.

Дверь автобуса распахнулась, и туристы посыпались. Сначала просто ошарашено смотрели, прикрывая глаза от солнца, потом кто-то бросил «наверное нужно помочь», и все быстро двинулись к опушке.

Вблизи стало ясно, что глыбой является тот самый рухнувший летающий аппарат, очень странной формы. С одного бока поверхность лопнула рваным швом, расколов его пополам, и оттуда торчало что-то гладкое, металлически блестящее, перекрученное, как содранная кожа. Из какого-то отверстия тянулась вверх ровная серая струя. Дым был странным — он выходил под напором ровной серой струей, как пар из носика кипящего чайника.

Ветер дул по верхушкам леса с сухим шелестом. Больше — ни звука. Люди приближались, потом одновременно, будто по команде, останавливались за несколько десятков шагов.

У многих заломило в затылке. Резко, будто ударили изнутри черепа. Следом подкатила тошнота.

— Мне нехорошо, — выдавил из себя мужчина, вжимая ладонь в затылок. Он подошёл ближе остальных, остановившись всего в нескольких шагах от аппарата. — Это военное что-то. Испытания. Нам сюда лучше не лезть.

Обойти этот разорванный корпус мужчина не рискнул и не увидел того, что находилось с другой стороны.

Там, в траве, лежало разорванное тело.

Женщина в тёмном платке стояла в нескольких шагах от него. Голова у неё гудела так же, как у всех, но дыхание перехватило не от боли — от того, что она увидела.

Тело было нечеловеческим. Слишком маленькое, с несоразмерно длинными руками и большой вытянутой головой, лежащей под неестественным углом. Женщина не могла подобрать этому слово. Она просто смотрела, не в силах отвести взгляд.

К ней сзади подходили пассажиры легковушки. Водитель машины, увидев, что его пассажиры направились к обломкам, крикнул им что-то не по-русски и бросился следом. Догнав, схватил женщину за локоть, рванул мужчину за плечо и потащил обоих назад, громко объясняя им что-то на незнакомом языке.

Женщина в платке шагнула назад и перекрестилась.

— Господи, — прошептала она. — Господи, помилуй.

Она перекрестилась ещё раз.

— Это дьявол, — сказала она громче, подходя к остальной группе. — Пришёл. Конец света настал, слышите меня? Конец!

Никто ей не ответил. Вокруг места катастрофы люди поднимали телефоны — приседали, наклонялись, ловили кадр. Но голова гудела у всех, а снимки не выходили.

От автобуса донёлся голос водителя:

— Так, всё, хватит там торчать! Товарищи туристы, у нас график, ехать пора!

Люди двинулись обратно, кто-то ещё оборачивался, пытаясь снять последний кадр. Дым щипал глаза.

К женщине в платке подошла другая туристка и обняла её за плечи.

— Пойдёмте. Пойдёмте отсюда, — сказала она тихо. — Всё, всё, пойдёмте к автобусу.

Женщина не сопротивлялась, но всё оборачивалась назад.

В салоне мужчина с заднего сиденья листал галерею в телефоне и громко ругался.

— Да что за чёрт, — говорил он. — Ни одной фотки не получилось. Видео то же самое — сплошная засветка, как белый шум. И в сеть не отправить, связи нет.

— И у меня так же, — отозвался кто-то рядом. — Может, поле тут какое. Или связь глушат.

Женщина в платке смотрела в окно, туда, где осталось тело. Перекрестилась. На границе травы и леса, там, где уже почти ничего было не разглядеть, ей показалось, что-то шевельнулось.

Автобус тронулся. Поле за окном стало удаляться и вскоре скрылось за деревьями.

Глава 1. Задание

Вызов

Телефон зазвонил в четверть девятого. Не будильник — служебный аппарат закрытой связи, тот самый, что выделен для сверхсрочных вызовов и звонит всего несколько раз в год.

Романцов снял трубку до второго гудка.

— Романцов. К девяти в управление. Генерал Нечаев ждёт лично.

— Подробности есть какие-то?

— Не в курсе. К девяти.

Гудки.

Он сел на край кровати, посмотрел на часы: восемь ноль шесть. В зеркале шкафа мелькнуло лицо — сухое, небритое и немного помятое со вчерашнего вечера, короткая тёмная стрижка с первыми седыми волосками у висков. Тридцать пять, но сегодняшнее утро без сна добавляло к лицу лишних пару лет — темные круги под глазами, серый оттенок кожи. Но после такого звонка сон ушёл сразу, будто его и не было.

Полчаса на сборы и дорогу — норма для обычного вызова. Но обычный вызов идёт по другой цепочке: звонит начальник отдела, называет тему, даёт время изучить материалы. Здесь звонил дежурный офицер генерала. А он звонит, когда начальство выдёргивает человека мимо расписания, минуя все промежуточные звенья.

Романцов умылся, оделся, по-быстрому съел на кухне бутерброд. Личный телефон оставил на столе — на территорию управления с ним всё равно не пустят, отберут на КПП вместе со всем, что нельзя нести дальше первого рубежа.

У двери он задержался. В щель между коробкой и полотном, там, где взгляд скользит, не задерживаясь, вложил короткий волос. Второй, у самого края личинки замка. Если дверь откроют, хоть один сдвинется или упадёт — и тогда он это увидит, а не просто поверит на слово, что квартиру не трогали.

Дом на Новопесчаной старожилы называли «колбасным» — в советское время на первом этаже был колбасный магазин, и название закрепилось крепче самого магазина, закрытого ещё в девяностых. Романцов вывел машину со двора. Воскресное утро, восемь двадцать, движение на Куусинена отсутствовало как класс — час, когда Москва после рабочей недели ещё спит.

До Управления на Полежаевской, со стороны Ходынского поля, было минут десять без пробок. Он проехал их, перебирая варианты. Внутренняя проверка? Для проверки хватает приказа в будни, да и уровень не генеральский. Утечка по старому делу? Возможно — но тогда звонили бы через прямого начальника, чтобы тот успел подготовить материалы. Разбор нового происшествия? Вероятнее всего. И если звонит дежурный офицер генерала, а не начальник отдела, происшествие не рядовое.

Он свернул с Хорошёвского шоссе, и за поворотом на секунду мелькнул знакомый забор с бетонным усилением — по Управлению ходила легенда, что его не пробьёт даже бронетранспортёр. Само здание Главного Разведывательного Управления Министерства обороны, сокращённо ГРУ, сотрудники между собой называли «Аквариумом» — считалось, что отсюда хорошо видно всё происходящее в мире, а снаружи разглядеть, что творится в Управлении, почти невозможно.

На въезде на служебную парковку он взглянул на часы: восемь сорок три. С запасом. Поставил машину на обычное место, запер, прошёл через КПП — здесь его знали по лицу не первый год, охрана привычно козырнула, но пропуск изучила внимательно.

Кабинет Нечаева

Кабинет находился на четвёртом уровне, в конце коридора, где даже в будни было тише, чем на остальных этажах: сюда не заходили без пропуска и провожатого даже свои. Строгая

секретарша у двери подняла взгляд, сверила пропуск и коротко указала в сторону кабинета — без доклада. Значит, ждут именно его и именно сейчас.

Нечаев стоял у окна спиной к двери и обернулся только когда Романцов доложил о прибытии.

Невысокий, плотный, с тяжёлой седой головой на короткой шее — генерал в гражданском костюме всё равно смотрелся так, будто под пиджаком форма. Лицо неподвижное, руки на подоконнике лежали спокойно, без единого лишнего движения. Только взгляд шёл быстрее, чем всё остальное в нём.

— Садись. Извини, что вырвал из дома утром в воскресенье.

Романцов сел, не откидываясь на спинку.

— Сегодня около восьми утра под Ростовом, который Великий, потерпел катастрофу стратегический беспилотник. Экспериментальная модель, на борту тестовая аппаратура нового поколения. Программа настолько закрытая, что не фигурирует даже во внутренних сводках Управления.

Романцов насторожился. Сверхсекретная программа, авария в открытом поле, срочный вызов лично к генералу в воскресенье утром — это не укладывалось в разряд служебной неприятности.

— Что с самим аппаратом?

— Упал в поле у лесополосы. Обломки под контролем, зачистка территории идёт. Проблема не в обломках. Проблема в том, кто их видел и что мог понять.

Нечаев достал из сейфа тонкую папку, положил на стол перед Романцовым, но не раскрыл.

— В момент катастрофы в районе падения произошёл масштабный сбой электроники. Камеры на трассе, вышки сотовой связи, часть бортовых систем самого аппарата — всё легло почти одновременно. Причину техническая экспертиза объясняет предварительно: возможно, электромагнитный импульс при разрушении аппарата. Точное заключение будет не раньше, чем через несколько дней. Для нас важно одно: обычным путём мы уже никого, кто мог там побывать после падения, не установим. Ни по камерам, ни по биллингу оператора.

— Кого нужно установить?

— Свидетелей. Там кто-то точно побывал, натоптали немало следов. По данным с трассы, в утренние часы через этот участок прошло несколько экскурсионных автобусов и несколько частных машин. Кто-то мог видеть падение с близкого расстояния. А кто-то — подойти к обломкам раньше, чем туда добралась зачистка.

Романцов быстро прикинул объём задачи: без камер, без биллинга поднять случайных людей по маршруту в выходной день — работа не на одного человека и не на один день.

— Сколько людей мне дают?

Нечаев чуть двинул подбородком — не усмешка, скорее раздражение самим вопросом.

— Никого. Работаешь один.

— Один по такой задаче? Свидетелей может быть десятки. Они разъедутся по стране уже к вечеру.

— Один, — повторил Нечаев тем же тоном, каким произносят решённый вопрос, а не предмет для обсуждения. — И жёсткое условие: региональные управления не подключаешь. Ни ФСБ, ни МВД, ни другие местные службы. Формально они уже задействованы — стоят на оцеплении, чистят территорию, гасят слухи среди местных. Но им не положено знать ни характеристики аппаратуры, ни внешний вид приборов, ни суть программы. Эта информация закрыта даже для своих.

— Что делать со свидетелями, когда найду? Держать при себе, сдавать органам, отпускать домой?

— Ни то, ни другое. Легенду подбираешь по ходу дела — это твоя работа. Человека, как только подтвердишь личность, оставляешь на месте и немедленно докладываешь мне.

— Каждого найденного я передаю кому?

— Мне. Лично, по защищённой линии. Дальше с человеком работает отдельная группа — не твоя, не региональная. Возьмут расписку о неразглашении, проведут инструктаж, объяснят уровень секретности. Твоя задача заканчивается на установлении личности и подтверждении, что человек был на месте падения.

— Разговаривать с ними по существу мне нельзя?

— Ровно в объёме, который нужен для подтверждения. Не больше.

Нечаев впервые за разговор посмотрел прямо, без движения по кабинету. Романцов поймал этот взгляд и понял: дальше — граница, за которую его не приглашают.

— Это не обсуждается, Романцов. Программа настолько закрытая, что я сам знаю о ней в объёме служебной необходимости. Твой объём — ещё меньше моего.

Романцов помолчал секунду, взвешивая, стоит ли спрашивать дальше. Спросил всё равно:

— Почему я? В Управлении есть люди, которые лучше меня знают местность.

— Потому что ты лучший в режиме соло-работы. Другому на твоём месте через день понадобится напарник. Ты — справишься один. Это не комплимент — это требование к задаче.

Романцов не ответил. Нечаев раскрыл папку. Внутри — смартфон без маркировки, ключи от машины на отдельном кольце, лист с распечатанными координатами, набор документов под разные легенды.

— Смартфон служебный, с защитой от прослушки и предустановленными приложениями. В памяти два номера — мой и моего помощника по особым поручениям. Больше никому звонить не нужно и не у кого просить помощь тоже, кроме нас. Машина на парковке, обычный неприметный седан, оформлена на подрядную организацию, которая не существует. Навигация штатная. Координаты — место падения.

— А если понадобится техническая поддержка на месте? Пробыть номер, узнать адрес по фамилии?

— Мой помощник сделает то, что можно сделать без расширения круга: проверка номера, адреса, паспортных данных. Всё остальное — твоя голова, твоя интуиция и твои ноги.

Романцов взял телефон, взвесил в руке — лёгкий, без единой лишней функции.

— Сроки?

— Двое суток на первый круг. Максимум трое. Дальше наверняка начнутся утечки, которые мы уже не сможем контролировать: кто-то выложит рассказ или фото в сеть, кто-то поделится с соседкой за чаем. После этого закрывать историю станет значительно дороже, а может и вовсе поздно.

Романцов поднялся, забрал папку с ключами и листком с координатами.

— Романцов, — сказал Нечаев уже в спину, тем же ровным голосом, но так, что второго толкования у сказанного не оставалось. — По каждому найденному звонишь сразу мне. Не через сутки, не вечером после работы. Нашёл имя, подтвердил, что человек был у аппарата — сразу вверх. Это приказ.

— Есть, — сказал Романцов, развернулся на каблуках, как когда-то учили на плацу, и вышел из кабинета.

Выезд

На служебной парковке он быстро нашёл машину — тёмный седан без единой характерной приметы, чистый салон, полный бак. Положил лист с координатами на пассажирское сиденье, ввёл точку в штатный навигатор.

Место падения оказалось у трассы под Ростовом Великим в сторону Ярославля, в стороне от населённых пунктов — поле рядом с лесополосой, судя по карте, километрах в двух от ближайшей деревни под названием Новосёлка. Романцов прикинул логику маршрута вслух — привычка со времён учёбы в «Консерватории» — так в народе со времён СССР называют Военную академию Минобороны на Народного Ополчения.

— Автобусы были наверняка с туристами, по воскресеньям они обычно идут по стандартным маршрутам Золотого кольца. После точки на трассе — Ростовский кремль, логичная остановка любой группы, идущей из Ярославля.

Он завёл машину, выехал на трассу в область. Москва в воскресное утро расступалась легко: свободные полосы, редкие заторы только у крупных торговых центров. Руки на руле лежали спокойно, а разговор с Нечаевым он снова и снова прокручивал в голове.

Одного специалиста без техники и без поддержки отправляют искать случайных свидетелей не потому, что задача пустяковая. Так делают, когда задача настолько большая и настолько закрытая, что чем меньше народа о ней знает, тем спокойнее наверху. Нечаев не сказал этого прямо. Сама форма поручения сказала за него.

За городом он один раз остановился на заправке — купить воду, сэндвич и кофе в дорогу. До Ростова от Москвы три с половиной часа, а после выезда с поля будет уже не до еды.

В машине он открыл контакты на новом телефоне. Два номера: «Нечаев» и «Дежурный». Ровно то, что было сказано. Никакой группы сопровождения, никакого доступа к общей базе. Всякая связь с миром шла через двух человек, и оба решали, что ему знать и с кем разговаривать. Если на месте что-то пойдёт не так — помощи ждать неоткуда, кроме голоса на другом конце этих номеров.

Он положил телефон на сиденье рядом с листом координат и прибавил скорость. До поля оставалось около трёх часов, и это время лучше потратить на план.